

Антиинфляционная стратегия – основа экономической политики

Юрий Чернов,
кандидат экономических наук

Экономическая доктрина и ценовая политика правительственных экономистов до сих пор мало в чем изменилась, несмотря на вполне очевидные “результаты” их многолетней борьбы с инфляцией. И опасность состоит в том, что чиновники от экономики, интеллектуально напуганные неизбывным воздействием инфляции на экономику, да и на политическую атмосферу в стране вообще, обходят трудную тему антиинфляционной стратегии, не пытаются сформулировать ее содержание в точных научных терминах, хотя всем понятно, что практическая ценность и успешность любой экономической политики, в конечном счете, зависит от того, как ставится проблема и насколько плодотворны принятые исходные предпосылки, не говоря уже о квалификации и интеллектуальной честности проводников этой политики.

Основная трудность формирования антиинфляционной стратегии связана с горизонтом макроэкономического видения. Вот что важно. У наших либерал-реформаторов его нет.

Как раздвинуть горизонт видения, какие новые измерения для этого нужны?

Эти вопросы наиболее актуальны и требуют глубоких экономических исследований, увязывающих проблему инфляции с социальными процессами, и в особенности с демографической ситуацией.

Социальная катастрофа в России конца XX в. необратимо подорвала де-

мографический потенциал страны, когда возникла чрезвычайно опасная тенденция абсолютного сокращения трудоспособной части населения страны.

Резкое нарушение режима воспроизводства населения (так называемый демографический переход) воздвигло “*демографический барьер*” на пути роста ВВП. И основная, глубинная причина этого заключается в содержании проводимой радикал-реформаторами экономической политики. Мы не ценим человеческую жизнь, как это нужно было бы в гуманистическом обществе. Цена человеческой жизни у нас слишком низка, чтобы можно было ею до-

рожить. И в этом обесценивании человеческой жизни и проявляется самое опасное влияние инфляции не только в сфере материальной, но на духовно-нравственное состояние общества.

Вне всякого сомнения к этому состоянию привели ложные идеи либерал-демократов монетаристского толка, которые основываются на абстрактном предположении, что экономические процессы имеют только финансовое, денежное измерение и никакого социального, а тем более нравственного. Это – фундаментальное заблуждение в результате фетишизации товарно-денежных отношений, что и привело к дегуманизации российской экономики, кризисное развитие которой было вызвано, прежде всего, катастрофическим переходом исключительно к монетарным средствам управления и громадным по своим масштабам и последствиям ошибкам и нарушениям, допущенным при приватизации.

Не подлежит сомнению утверждение, что именно фетишизация рыночных отношений и запустила в действие процесс дегуманизации всего общества в целом, когда самооценку человеческой жизни в настоящем отрицается и, что самое главное – теряется “смысл серьезного труда, который лежит за пределами социальной обыденности” (Н.А.Бердяев).

Глубинной причиной этому является вызванная экономической реформой социальная трансформация общества, которая происходит в условиях идеологической дезориентации, размывания системы положительных ценностей, подрыва трудовых мотиваций.

К этому следует добавить появление особого “духа времени” (*Zeitgeist*), который порожден проинфляционными настроениями в обществе. Антигуманный характер реформ, вражда к человеку, к человеческому “Я” явственно

просматривается во всех реальных действиях либеральных экономистов, которых по аналогии с известным направлением в изобразительном искусстве можно назвать “экономическими футуристами”. Они хотят развить ускоренное экономическое движение, повысить темпы экономического роста и отрицают основной источник творческого движения – человека.

Инфляция как дестабилизирующий процесс не позволяет сформироваться устойчивому среднему классу, снижает уровень рабочей этики и подвергает эрозии общественное поведение личности, поскольку разрушает человеческие ожидания, создает неопределенность во взаимоотношениях людей, вызывает отчуждение людей от общественной жизни, предопределяя тем самым глубокие отрицательные сдвиги в иерархии жизненных ценностей, что самым непосредственным образом сказывается на экономическом росте и в итоге на демографической ситуации в стране.

В этом отношении показательно тонкое наблюдение о последствиях кризиса 1928–1932 гг. в США, сделанное Н.Винером: “Возникновение химерических ценностей в финансовом мире вызвало к жизни множество столь же сомнительных моральных ценностей”.

Главным, результирующим итогом либеральных реформ явилась беспрецедентная для мирного времени убыль населения России, по своим масштабам эквивалентная людским потерям в Гражданской войне. Социальная катастрофа России конца XX в. необратимо подорвала демографический потенциал страны, когда на фоне абсолютного сокращения населения на 11 млн. чел. возникла чрезвычайно опасная тенденция резкого сокращения его трудоспособной части, что с неизбежностью воздвигло демографический барьер на пути роста ВВП.

Основная причина этому – пренебрежение к человеческой жизни, к исторически сложившемуся в стране общественному укладу. Мы не ценим человеческую жизнь, как того она заслуживает. Именно в условиях перманентно устойчивой инфляции цена человеческой жизни в современной России стала за последние 15 лет слишком низка, чтобы ею можно было бы дорожить.

В этом обесценивании, жизни прежде всего, и проявляется антигуманное действие российской инфляции, ее смертельный итог, за который несет прямую ответственность правительство реформаторов.

Стараниями либералов монетаристского толка наше общество при новых порядках поддалось *“иллюзии овеществления людей”* (К.Маркс) и в нем глубоко укоренилась потребительская психология как формула непродоводительного посреднического сознания. При этом четко прослеживается стремление представить различные формы ростовщичества как неотъемлемую составную часть экономической деятельности и доказать их незаменимость для экономики в целом. Антигуманная сущность деятельности неоллибералов проявляется особенно четко в навязывании всем и вся произвольной воли класса хозяев. Во всех действиях правящей элиты явно просматривается примат денежно-финансовых интересов над духовной культурой и социальными проблемами.

С учетом всеохватывающего значения инфляционных процессов можно понять высказывание лауреата Нобелевской премии П.Самуэльсона: “Экономическая история – это история инфляций”.

Этот экономический афоризм подчеркивает всю сложность такого явления как инфляция, которая охватывает не только чисто финансовую сторону экономики, но и предопределяет такие социальные явления как безработица и обнищание населения.

И здесь следует отметить, что определяющей чертой подхода правительственных экономистов к самой острой проблеме (наряду с демографической) – проблеме нищеты и неравенства в распределении доходов является отсутствие макроэкономической их увязки с безработицей и инфляцией*. В их программах отсутствует макроэкономическое видение последствий влияния инфляции на воспроизводственный процесс в целом, и в частности на динамику занятости населения. Видимо для них “неочевидно”, что основная причина массовой нищеты в России – не только неравенство в распределении доходов (особенно природной ренты), но и безработица и отсутствие высокодоходных рабочих мест.

Следует особо отметить, что в **официальных правительственных программах прогнозные оценки безработицы носят пассивный характер** и никак не рассматриваются в качестве регулирующего параметра антиинфляционной политики. Фундаментальная связь между инфляцией и безработицей остается “незамеченной” правительственными экономистами, по всей видимости, из-за их “монетарной зашоренности”. И здесь принципиально важно понять, что безработица – неизбежное следствие инфляции.

Перед лицами, ответственными за формирование экономической политики, до сих пор не был поставлен

* По официальным данным, в РФ 17% населения живет в нищете, так как по общемировым стандартам для присвоения статуса “нищей страны” этот процент не должен превышать 7%.

принципиальный вопрос: какова реальная “цена” многолетней борьбы с инфляцией? И объяснить подобную индифферентность правительственных экономистов довольно просто: антиинфляционная доктрина отечественных радикал-реформаторов основывается на упрощенном подходе, будто инфляцию можно “обуздать” посредством кредитно-денежной политики безотнositельно экономических издержек и социальных тягот, связанных с дезинфляцией, под которой обычно понимается либо резкое сокращение темпов инфляции, либо вообще ее прекращение, что в итоге может вызвать спад производства и увеличить безработицу.

При этом монетаристы полагают, что не существует экономических барьеров для сокращения инфляции, хотя общеизвестно, что именно резкая дезинфляция начала 80-х годов нанесла существенный урон благосостоянию западноевропейских стран, вызвав в итоге значительный рост безработицы.

По оценкам известного американского экономиста А.Оукэна, такое направление антиинфляционной политики в 70-х годах для США оборачивалось потерями в среднем от 6% до 18% валового национального продукта.

Это, быть может, наименее правильно понимаемая сторона инфляционного процесса. И причиной тому служит рассмотрение инфляции вне контекста социальных перемен, в отрыве от изменений, вызываемых антиинфляционной политикой на рынке труда.

Наиболее разрушительный эффект инфляции как раз и состоит в том, что ее резкое торможение уже в ближайшей перспективе порождает широкомасштабную безработицу.

Правительственные экономисты, зациклившись на финансовой стабилизации, как-то упустили из виду этот фундаментальный факт – **резкое снижение**

темпов инфляции неизбежно связано с высокой безработицей и вследствие этого с потерями потенциально возможного роста ВВП.

Т такой постановке проблемы и заключается критически важная идея количественной оценки влияния инфляции на темпы экономического роста. Она исходит из наблюдаемого факта экономической действительности: чем резче снижаются темпы инфляции, тем значительнее рост безработицы.

За всем этим стоит следующий экономический механизм: инфляция, создавая временный и фиктивный рост платежного спроса, позволяет тем самым занять на время дополнительно определенную массу трудящихся, а при резком торможении ее скорости создает условия для возникновения значительной безработицы, которая, как правило, и является неизбежным следствием ошибочной экономической политики, вызвавшей инфляционный перегрев экономики.

Объяснения этому можно найти в том, что внутренней структурной причиной массовой безработицы является несовпадение распределения трудовых ресурсов по отраслям с распределением спроса на продукцию этих отраслей.

Подобные структурные рассогласования трудовых и материальных ресурсов с потоками продукции вызваны инфляционным искажением системы цен и заработков. Они могут быть устранены лишь посредством ее изменения за счет установления в каждом секторе экономики цен и заработков, обеспечивающих равенство спроса и предложения.

Поэтому понятно, что рост безработицы в своей определенной части можно объяснить именно отклонениями цен и заработков от их равновесных уровней, которые сложились бы в условиях стабильных цен.

Практическим результатом такой балансировки является так называемый “нормальный” уровень безработицы, который жестко определен условиями рынка рабочей силы и который устанавливается в перспективе в результате перевода экономики в равновесный, сбалансированный режим функционирования, нейтральный по отношению к инфляционному давлению. При этом равновесный (“нормальный”) уровень безработицы формируется при выполнении инфляционных ожиданий в условиях стабильной неускоряющейся инфляции. И если финансовая политика гарантирует стабильную инфляцию, то фактическая безработица должна стремиться к своему равновесному уровню, который может выступать в роли макроэкономического норматива, являясь принципиально новым критерием оценки результатов финансовой стабилизации.

Пороговая форма выражения нормы безработицы, неускоряющей инфляцию, имеет принципиальное значение для прогнозирования темпов инфляции, так как наличие инфляционного барьера в виде этой нормы является предпосылкой, позволяющей придать точный смысл взаимосвязи инфляции с безработицей и прогнозировать их изменения. Основное практическое назначение этого норматива – оценка эффективности проведения правительством антиинфляционной политики.

У инфляции есть множество отрицательных последствий, намного более тяжелых и болезненных, чем полагает большинство людей. Среди прочего, инфляция подрывает использование денег в качестве счетных единиц:

она делает финансовые сделки рискованнее и неопределеннее, резко сокращает объем информации, заключенный в соотношениях цен и нарушает рациональное размещение ресурсов. Но наиболее разрушительный эффект инфляции, в наименьшей степени осознаваемый правительственными экономистами, заключается в том, что в долгосрочной перспективе инфляция порождает широкомасштабную безработицу, о чем весьма недвусмысленно выразился бывший премьер-министр Великобритании Г. Вильсон: “*Inflation is the mother and father of unemployment*” (Инфляция – мать и отец безработицы).

Нередко в дискуссиях по проблеме взаимосвязи инфляции и безработицы приводят довод, согласно которому инфляция влечет за собой простое перераспределение общественного продукта, в то время как безработица, ее рост уменьшает последний, являясь, таким образом, худшим злом.

Этот довод неверен, поскольку инфляция сама становится причиной увеличивающейся безработицы.

Правительственные экономисты вряд ли задумываются над этой проблемой, если два года назад ими была озвучена установка на снижение инфляции к 2007 г. до 4% (в реальности к концу этого года ее ожидают в пределах 9–10%) без всякой оглядки на весьма вероятный при этом резкий скачок безработицы и вследствие этого снижение потенциально возможного ВВП*.

В экономической литературе известны лишь несколько примеров оценки макроэкономических издержек, связанных с преднамеренным сокраще-

* В отдельных случаях расхождение между фактом и прогнозом инфляции в правительственных программах достигали 2-3 раза. Со стороны правительственных экономистов не было дано никаких объяснений причин таких громадных расхождений.

нием инфляции за счет роста безработицы. Эти цифры представляют собой затраты по устранению инфляции, выгоды от дезинфляции не столь очевидны и их практически трудно идентифицировать.

Проводимые нами исследования, базирующиеся на представленном выше методологическом подходе, позволили получить оценки потерь ВВП, связанные с дезинфляцией 1997–1998 гг. порядка 5 и 11% от ВВП, соответственно.

Полученная американскими экономистами оценка влияния инфляции на темпы роста производительности труда в американской экономике 90-х го-

дов показала, что каждый процент повышения инфляции в среднем сопровождался сокращением темпов роста производительности труда на 0,2–0,3%.

Корреляция между производительностью труда и уровнем цен может иметь и обратную направленность. Можно предположить, что многократное (в течение нескольких периодов) воздействие роста производительности труда на снижение темпов инфляции характеризует своего рода мультипликатор и является важным макроэкономическим параметром антиинфляционной стратегии, определяющим степень подавления инфляции издержек ростом производительности.

При всей важности количественных макроэкономических параметров в формировании антиинфляционной стратегии принципиально важно подчеркнуть, что по своему происхождению и по своим результатам инфляция является феноменом социальным и политическим не менее, чем экономическим. Поэтому можно утверждать, что инфляция должна быть понята как проявление в латентной (скрытой) форме конфликтов между различными социальными слоями, между различными финансовыми группировками при распределении национального дохода посредством инструментов кредитно-денежной политики. В связи с этим намерение правительства подавить инфляцию средствами исключительно ограничительной монетаристской политики ошибочно и извращает всю перспективу успешной борьбы с инфляционными процессами.

Научный анализ фундаментальных источников инфляции показывает, что инфляция является симптомом глубоких противоречий не только в экономике, но и во всей политической системе, и движущими силами их разрешения являются поведение людей, их социальные взаимоотношения, а не “слепые” рыночные силы и решения так называемых “денежных властей”.

Именно на этот момент обращает внимание Н.А.Бердяев в своей исторической работе “Истоки и смысл русского коммунизма”: “Не существует внешней, объективной экономической действительности, это – иллюзия, существует лишь активность человека и активное отношение человека к человеку”.

Именно поэтому инфляция имеет не только плоский экономический смысл, но также и социально-политический, а подчас и настоящий метафизический смысл, которые в своей совокупности и предопределяют “загадочность” явления инфляции и в известной мере объясняют трудности, связанные с обеспечением ее управляемости.